

Н. Н. Вопленко, М. А. Латушкин

СООТНОШЕНИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ И НАСИЛИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматриваются вопросы соотношения принуждения и насилия, а также раскрывается теоретико-правовое содержание данных категорий.

Ключевые слова: принуждение, насилие, государственно-правовое принуждение.

N. N. Voplenko, M. A. Latushkin

CORRELATION OF COERCION AND VIOLENCE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article focuses on the issues of correlation of coercion and violence, and reveals the theoretical and legal content of these categories.

Keywords: coercion, violence, public law enforcement.

Проблема соотношения принуждения и насилия рассматривается в различных гуманитарных науках, включая философию, социологию, политологию и юриспруденцию. В юридической литературе принуждение некоторыми авторами рассматривается как неотъемлемый признак права [1, с. 39; 7, с. 329] и получает, соответственно, почти всегда позитивную оценку, насилие же, как правило, оценивается в качестве негативного явления, связанного с причинением вреда правам, свободам и законным интересам человека [8, с. 106]. В то же время рассматриваемые социальные явления часто предлагается понимать как тождественные полностью или в части. Это во многом связано с широким распространением тезиса о родовидовом соотношении принуждения и насилия. Вместе с тем характер этого соотношения остается в литературе дискуссионным. Так, одни авторы считают, что принуждение представляет собой родовое явление по отношению к насилию. М. И. Байтин пишет: «Насилие — это не всякое принуждение, а лишь одна из основных форм его проявления, свойственная, как таковая, классовому обществу. Насилие ... суть физическое принуждение» [2, с. 126]. Другие

авторы родовым явлением считают насилие, а принуждение — одной из его форм [6, с. 27—28].

Некоторая противоречивость имеющихся в юридической литературе подходов к определению соотношения принуждения и насилия свидетельствует об актуальности избранной нами тематики. При этом четкое разделение указанных социальных явлений имеет не только важное теоретическое значение для развития современной юридической науки, но и существенное, на наш взгляд, практическое значение для построения сбалансированной правовой политики в сфере применения государственно-принудительных мер.

В данной статье мы ставим перед собой две основные задачи: 1) привести доводы о том, что принуждение и насилие являются разнородными социальными явлениями, хотя и тесно связанными между собой; 2) показать особенности соотношения насилия и принуждения в правовой сфере.

Для решения поставленных задач в первую очередь необходимо проанализировать представленные в литературе попытки разграничить принуждение и насилие. Общераспространенным является разграничение рассматриваемых явлений по признаку

легальности. При этом опосредованное правом применение силы отождествляется с принуждением, а иное — с насилием [7, с. 333]. На наш взгляд, разграничение по данному критерию представляется достаточно размытым. Как мы уже указывали, принуждение и насилие представляют собой применение силы. В действующем законодательстве одни случаи применения силы признаются законными, другие — нет. Однако применение силы в виде принуждения далеко не всегда рассматривается как законное. К примеру, статьей 133 Уголовного кодекса России установлена уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, в то время как в статьях 37, 38 данного нормативного акта перечисляются обстоятельства, при которых причинение вреда личности не является преступлением, то есть регулируются случаи правомерного применения принуждения. Таким образом, нельзя утверждать, что насилие всегда является противоправным, а принуждение — правовым.

Широкое распространение в юридической литературе получила точка зрения, согласно которой насилие представляет собой несправедливое принуждение. Это мнение в современной литературе поддерживают П. В. Демидов, А. В. Зарицкий и некоторые другие авторы. В их работах указывается, что разграничение феноменов принуждения и насилия заключается в том, что принуждение является легитимным и справедливым, а насилие — нет. П. В. Демидов, в частности, пишет, что «принуждение всегда основано на выражающей общественные представления о справедливости, гуманности, морали, нравственности социальной норме» [4, с. 50]. На наш взгляд, использование в качестве критерия разграничения рассматриваемых феноменов признака справедливости является таким же сомнительным, как и признака легальности. Понятие справедливости, добра и зла довольно часто носят ярко выраженный субъективный оценочный характер. Если мы говорим, что принуждение отличается от насилия лишь тем, что принуждение справедливо, а насилие — нет, мы неизбежно приходим к

относительности и субъективности соотношения принуждения и насилия. В зависимости от субъективного понимания справедливости человеком принуждение в его представлении будет превращаться в насилие и наоборот. Заметим, что критерий справедливости принуждения логически приводит к формуле: принуждение есть хорошее насилие, насилие есть плохое принуждение. Думается, что в социальной практике возможны случаи справедливого и необходимого насилия. К примеру, трудно признать несправедливыми и необоснованными насильственные действия при необходимой обороне. Следует заметить, что вопрос о справедливости насилия и принуждения, в конечном счете, сводится к вопросу о справедливости применения силы в социальных отношениях.

В. В. Колотуша по данному вопросу указывает следующее: «Проблема применения силы в отношениях между людьми стала объектом философской рефлексии со времени античности. Являясь традиционной темой философских работ, идея применения силы претерпела качественные изменения. Изначально применение силы оправдывалось интересами сохранения и благополучия государства. Постепенно применение силы стало оправдываться интересами защищенности человека, соблюдения его прав и свобод» [5, с. 30]. Таким образом, представляется, что по критерию справедливости нельзя достаточно четко разграничить принуждение и насилие. Следует заметить также, что с учетом вышеизложенного рассматриваемые нами категории являются различными видами применения силы.

Имея общие корни, общую социальную природу, принуждение и насилие могут легко сменять друг друга. Это часто происходит в социальной практике, на что уже обращалось внимание в литературе [10, с. 109]. Насильственный акт может быть предтечей акта принуждения и наоборот. Если мы говорим о последовательной смене насильственных и принудительных актов, возникает вопрос: как мы их разграничиваем?

В первую очередь особенностью насилия, отличающей его от принуждения, мы предлагаем признать отсутствие в насильственном акте какой-либо *внешне выраженной цели*. Надо сказать, что в литературе насилие часто определяется именно как целенаправленное воздействие [10, с. 112]. Однако что можно понимать под целью насилия? Субъект, совершающий насильственный акт, несомненно, имеет определенную психологическую мотивацию к осуществлению подобных действий. Она может быть выражена, к примеру, в потребности получения биологического, психологического и (или) иного удовлетворения. Если данную мотивацию рассматривать как цель совершения насильственного акта, то возможно насилие целенаправленно. Но практика показывает и другую сторону рассматриваемого вопроса. Субъект насильственного действия никогда не ставит свою жертву в известность о реальной мотивации (причинах) совершаемого им насильственного акта. Можно задать и риторический вопрос: всегда ли субъект насилия осознает цель насильственного акта, если, как указывается в литературе, «насилие является способом выражения эмоций, настроений» [10, с. 112]? Насилие по своему содержанию представляет собой причинение физического, материального, морального или иного вреда. «Насилие — это феномен с потенциалом самодостаточности, открытый, всегда незавершенный, отсюда его стремление к эскалации» [9, с. 68]. Эти характеристики связаны с тем, что насилие — это всегда акт эгоизма, противопоставляющий индивида окружающей среде, в противоборстве к которой он внутренне нацеливается на причинение вреда всем противостоящим ему объектам. Исходя из сказанного, можно заключить, что при совершении насильственного акта субъект не заботится о внешнем выражении своей цели, о донесении ее до подвергаемых насильственному воздействию лиц, так как его основная задача заключается в причинении вреда для достижения биологического, психологического и (или) иного удовлетворения и снятия возникших по этому поводу эмоций.

В отношениях принуждения цель совершения принудительного акта не только получает внешнее выражение, но и сам *принудительный акт завершается лишь в результате подавления воли человека, а не с причинением вреда*. Принуждение всегда рассматривалось в литературе как оказание воздействия на человека с целью заставить его подчиниться принуждающей воле. Г. В. Ф. Гегель по этому поводу указывает, что «принудить к чему-то можно только того, кто хочет, чтобы его принудили» [3, с. 141]. А. С. Пучнин пишет: «Принуждение может быть рассмотрено как воздействие свободы одного человека на свободу другого, что является сознательным осуществлением подчинения» [9, с. 88]. Таким образом, принуждение в отличие от насилия представляет собой всегда двустороннее волевое взаимодействие принуждающего и принуждаемого субъектов. При этом волевой акт принуждаемого лица заключается в осознанном принятии к исполнению предписаний (распоряжений) принуждающего лица. Выявленное отличие насилия от принуждения находит свое подтверждение в социальной практике. В насильственном акте главную роль всегда играет насильник. Объекту насильственных действий всегда отведена пассивная роль. Эта особенность насильственных актов очень ярко прослеживается в устойчивых фразеологических оборотах русского языка, отражающих их содержание. Взять силой, к примеру, означает завладеть чем-либо путем своих собственных усилий. В этом же смысле понимает насильственные акты и законодатель. Уголовный кодекс Российской Федерации [11] различает насильственные действия сексуального характера (ст. 132) и понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133). В первом случае объективная сторона преступления состоит в совершении виновным насильственных действий сексуального характера. Во втором случае наказанию подлежат лишь действия виновного по оказанию определенного давления на психику потерпевшего, и это психическое давление именуется законодателем понуждением. Справедливость разграничения насилия и

принуждения по данному признаку можно показать на примере информационного освещения военного вторжения Грузии в Южную Осетию в августе 2008 г. Многочисленные разрушения в столице Южной Осетии — Цхинвале, не имеющие, по свидетельству экспертов, военно-тактического смысла, показания очевидцев о немотивированном физическом уничтожении грузинскими солдатами осетин, а также непредупреждение Грузией мирных граждан о своем военном вторжении позволяют поставить вопрос о военном *насилии* Грузии в отношении осетинского народа. Ответные меры России в этом конфликте имели целью защиту интересов осетинского народа и отражение нападения. Неслучайно в первых официальных комментариях Президента Российской Федерации Д. А. Медведева грузино-югоосетинского конфликта лейтмотивом являлась идея о российском *принуждении* Грузии к миру.

Показав разнородный характер принуждения и насилия, опираясь на выделенные нами критерии, мы можем перейти к теоретико-правовой характеристике соотношения насилия и принуждения. В сфере права содержание рассматриваемых явлений существенно изменяется в связи с их использованием для целей правового регулирования. Усложняются взаимосвязи между отношениями принуждения и насилия. Надо сказать, что право по своей природе, пожалуй, отрицает насилие. Как мы указали, одной из особенностей проявления феномена насилия является нацеленность на причинение вреда и его эскалацию для удовлетворения потребностей инициатора насильственного акта. Целями правового регулирования можно назвать координацию и разграничение интересов различных субъектов, устранение социальных конфликтов. Насилие несовместимо с этими целями, так как оно само является причиной возникновения многих конфликтных ситуаций. Насилие эгоистично, субъективно и не приемлет никаких ограничений, в том числе правовых. В то же время будучи объективно существующим социальным явлением насилие находит свое отражение и в праве. Мы полагаем, что насилие вплетается в механизм

государственно-правового принуждения, выступая средством его осуществления. Законодатель, устанавливая меры юридической защиты, ответственности за неправомерное поведение, не акцентирует внимание на понятии насилия, оперируя понятием правовые санкции. Вместе с тем именно возможность осуществления насильственного акта обеспечивает в конечном итоге возможность результативной реализации государственно-правового принуждения как целенаправленного воздействия на сознание подвластных лиц, изменяющего их поведение. Думается, что можно говорить об имманентном присутствии насилия в мерах государственно-правового принуждения. Однако насилие в праве, пожалуй, нельзя отождествлять с «дубинкой» в руках юриста или иного государственного служащего, участвующего в применении мер государственно-правового принуждения. Насилие, содержащееся в государственно-правовом принуждении, выступает юридически формализованным средством проведения в жизнь государственной воли. Ему сообщаются черты упорядоченного и цивилизованного средства, на которое опирается практика проведения в жизнь карательных санкций правовых норм. Оно используется лишь в том объеме, который позволяет достичь результативного принудительного воздействия на подвластных лиц. Секвестирование содержания насилия до управляемого, контролируемого и целенаправленного причинения вреда, которое, на наш взгляд, наблюдается в праве, позволяет утверждать, что достаточно спорным является рассмотрение правового насилия как самостоятельного явления. На наш взгляд, насилие в праве поглощается институтом государственно-правового принуждения, а это означает, что оно не имеет собственной правовой идентичности и не может рассматриваться как самостоятельное правовое явление.

Список библиографических ссылок

1. Grant Lmond. The coerciveness of law // Oxford Journal of Legal Studies. 2000. Vol. 20. No. 1.
2. Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М., 1990.
4. Демидов П. В. Частное правовое принуждение как категория современной теории права: научные и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
5. Колотуша В. В. Силовое принуждение: сущность, структура, тенденции: монография. Голицыно, 2008.
6. Лановая Г. М. Принуждение в системе форм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Макарейко Н. В. Право и принуждение: к вопросу о взаимосвязи // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2003. № 2.
8. Мартыненко Б. К. Государственное насилие — как его понимать? // Власть. 2008. № 8.
9. Пучнин А. С. Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999.
10. Табатадзе Г. С. Насилие как социальное явление // Вестник ВолГУ. Сер. 7. 2003—2004. Вып. 3.
11. СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

© Н. Н. Вопленко, М. А. Латушкин, 2011